

Вацлав Гавел в чешской мемуарной литературе и документалистике

Пражской международной аэропорт, расположенный в столичном пригороде Рузине и прежде по нему так и называвшийся, носит сегодня имя «Вацлав Гавел», подобно тому, как парижский аэропорт называется «Шарль де Голль», аэропорт в Нью-Йорке — «Джон Кеннеди». Однако новое имя пражской «воздушной гавани», кроме дани памяти первого чешского президента, имеет еще и определенный символический смысл. В том же пригороде находится следственная тюрьма «Рузине», в которой Гавел оказывался неоднократно; в 1978 г. он несколько месяцев содержался здесь в ожидании суда над ним и его соратниками, организаторами «комитета защиты несправедливо преследуемых» и знаменитой «Хартии 77», требовавшей от Гусака соблюдения прав человека. Здесь начиналось самое длительное (4,5 года) и тяжелое по условиям тюремное заключение Гавела из его пяти отсидок в период так называемой «нормализации». Теперь имя бывшего узника этой тюрьмы украшает красивое здание реконструированного аэропорта, символизируя начало новой эпохи в истории Чехии.

Вацлав Гавел родился 5 октября 1936 г., умер 18 декабря 2011 г. Незадолго до этой даты весьма скромно прошел его 75-летний юбилей, а вот похороны Гавела стали грандиозным событием — неожиданно для многих его сограждан — словно только теперь страна, да и мир, начали сознавать всю значимость этого государственного деятеля и борца за «жизнь не по лжи». Не удивительно, что сегодня Вацлав Гавел стал своего рода центральной фигурой в

чешской литературе нон-фикшн. Издаются и переиздаются не только его сочинения, но и собранные и откомментированные документы, письма и т. п., постоянно пополняется мемуарная литература. Существует уже целая библиотека книг о Гавеле главным образом с уклоном в изучение его биографии со всеми ее резкими поворотами, проигрышами, ошибками, победами.

По своему происхождению Гавел принадлежал к чешской предпринимательской элите, уходящей корнями в простой народ. Основу процветания семьи заложил его дед — сын мельника Вацлав Гавел, овладевший специальностью строителя и достигший на этом поприще больших успехов. Он построил в Праге много отличных зданий, в том числе — успешно до сих пор функционирующую «Луцерну» возле Вацлавской площади — торгово-развлекательный комплекс (новинка для того времени) с кабаре, ресторанами, магазинами и т. п. Его дело продолжил сын Вацлав Мария Гавел — отец будущего президента, построивший на холмистом берегу Влтавы квартал вилл и большой ресторан по американскому образцу, а его брат Милош, дядя будущего президента, увлекавшийся кино, создал там киностудию «Баррандов» тоже по американскому образцу, своего рода чешский Голливуд. Благодаря дяде Милошу и деду Вацлаву Гавеле по материнской линии Гуго Вавречке — журналисту, писателю, дипломату — семья поддерживала связи со многими деятелями чешской культуры: писателями и артистами.

Хотя детство Вацлава пришлось на годы войны и оккупации, оно было вполне благополучным: материальный достаток, культурное окружение. Из всей семьи лишь дядя Милош имел связи с немцами, которым предоставлял для их нужд свои баррандовские студии. После войны он подвергся наказанию за сотрудничество с оккупантами, сидел в тюрьме, потом эмигрировал, что навлекло репрессии на всех его родственников.

После войны Вацлав Гавел короткое время учился в привилегированной школе-интернате в Подебрадах, где

он подружился с будущим оscarоносным кинорежиссером Милошем Форманом. Но наступил февраль 1948 г. — крутой переход Чехословакии к построению социализма, что отразилось на всей семье Гавелов, лишившейся по национализации почти всего имущества. Перемена общей ситуации в стране изменила и судьбу подрастающего Вацлава. Из-за «буржуазного происхождения» его не приняли в гимназию, он смог окончить только вечернюю гимназию рабочей молодежи, совмещая учебу с работой в химической лаборатории. Путь в высшую школу, особенно гуманитарного профиля, был ему закрыт. С большими усилиями он поступил в технический вуз по специальности «экономика путей сообщения», но вскоре оттуда ушел, предпочтя два года срочной армейской службы. В армии Гавел впервые соприкасается с театром, участвует в самодеятельности, пишет с приятелями соответствующую духу времени «оптимистическую» пьесу «Вся жизнь впереди», а после демобилизации идет в театр «АВС» давнего знакомого своего отца популярного артиста комического жанра Яна Вериха, готовый делать «что угодно». Затем на тех же условиях (делать все, что потребуется) переходит в театр «На забрадли» («На баллюстраде») — один из тогдашних пражских «маленьких театров», особенно популярный среди студенчества и интеллигенции и немного напоминавший любимовскую Таганку (в зрелом возрасте Гавел был знаком и дружен с Ю.П. Любимовым, побывал в Москве на его 90-летию и, выступая на юбилейном вечере, на котором мне довелось присутствовать, выражал надежду на сотрудничество). В 1963 г. в «На забрадли» состоялась премьера первой самостоятельной «полнометражной» пьесы Гавела «Праздник в саду». Пьеса имела большой успех, и на следующий день он «проснулся знаменитым драматургом».

Гавел пробовал себя в разных жанрах: в поэзии без особого успеха, гораздо удачнее — в театральной критике, а его новые пьесы «Уведомление» (1965) и «Трудно сосредоточиться» (1968) неизменно вызывают интерес чешских зрителей. В 1966 г. он успешно заканчивает Пражскую академию искусств по курсу драматургии, куда до этого его

пять раз не допускали. Как драматург становится известен за границей — «Праздник в саду» ставят не только театры Чехии, но Австрии и ФРГ, в переводе на французский пьесу выпускает престижное парижское издательство «Галлимар» и т. д. Гавел симпатизирует поднимающемуся движению «Пражской весны», но занимает самостоятельную позицию, критически смотрит и на «догматиков», и на недостаточно, по его мнению, серьезных «антидогматиков», возглавляет организацию «Круг независимых писателей».

Ввод советских войск в Чехословакию 21 августа 1968 г. Гавел категорически осудил. В городе Либерец, где оказался в те дни, он пишет тексты протестных выступлений для местного радио. К рубежу 1968 и 1969 гг. относится знаменательная полемика между М. Кундерой и В. Гавелом. Авторитетный автор романа «Шутка», Кундера, опираясь на верность чехов славным традициям прошлого, полагал, что относительное спокойствие, установившееся в стране осенью 1968 г., может сохраниться, а Гавел предсказывал неизбежность долгой и трудной борьбы. Время показало, кто был прав. Гавел включается в диссидентское движение, выдвигается в его лидеры, отвергает все попытки гусакковского правительства заставить его эмигрировать, пишет острокритическое открытое письмо Гусаку, становится одним из главных организаторов «Хартии 77», спокойно ожидает в «Рузине» неминуемо жестокий приговор.

В тюрьме Гавела направили на тяжелые, непосильные для его не слишком крепкого здоровья работы, но он стремится, хотя это часто не получается, выполнять норму, использует любую возможность, чтобы читать, в том числе русскую литературу, и чтобы писать. Его пьесы издаются в самиздате и за границей, ставятся в пражских домашних («квартирных») театрах, с успехом идут за рубежом. Из писем Гавела семье, написанных в заключении (разрешалось одно в неделю под жесткой цензурой), литературный критик-диссидент Ян Лопатка составил философско-биографический труд, получивший название «Письма к Ольге» и вышедший в самиздате в 1983 г.

После победы «Бархатной революции» Гавела избирают президентом Чехословакии, после «бархатного развода» Чехии и Словакии — президентом Чехии на первый и второй срок. Перед ним встают совсем новые проблемы: налаживание жизни в стране, деловые поездки по всему миру, заботы о переустройстве Европы, в котором он принимает самое живейшее участие. После отставки он завершает начатую ранее пьесу «Как уходят» и осуществляет свою мечту: выступает как режиссер-постановщик фильма по этой пьесе. И все это на фоне постоянных болезней и частых операций. Но он работает, спорит, с почти прежним энтузиазмом отстаивает свою точку зрения. И вдруг — смерть, и — нескончаемые людские потоки на его похоронах, осознание величины потери, желание разобраться, кем же он на самом деле был. Отсюда — многочисленные публикации связанных с ним документов и мемуарных биографий.

Чехия — маленькая страна, а семья Гавелов была здесь среди известных. Вацлава Гавела особенно хорошо знали те, кто с ним работал. Именно они написали на сегодняшний день самые интересные книги.

Первой в мемуарном жанре была книга «Вацлав Гавел» Эды Кризеовой — писательницы, журналистки, участницы диссидентского движения, которая одно время была советницей Гавела-президента Чехословакии. Книга вышла в свет в 1991 г., а в 2014 г. появилось ее дополненное и исправленное переиздание, которое остается единственной авторизованной биографией Гавела. Он писал: «Эта книга выражает видение ее автором моей жизни и работы. Это ее видение, и мне трудно судить, насколько оно соответствует действительности, но я надеюсь, что эта книга приблизит читателя не только меня, но — через меня — и мою страну»¹.

Из других литературных биографий Гавела в настоящей статье пойдет речь об объемной книге «Гавел» Михаэла Жантовского, которая первоначально была написана на английском языке, издана в 2014 г. в Лондоне и в газете «Гардиен» оценена как «Биография (в смысле — «лучшая биография») 2014». На чешском языке в переводе автора

она вышла в 2015 г. в существенно доработанном виде. Жантовский, по профессии психолог, переводчик, дипломат, также хорошо знал Гавела. Он был рядом с ним в бурные дни «Бархатной революции», затем занял должность пресс-секретаря и советника Гавела-президента, позже был послом в США, Израиле, Великобритании.

Особо надо сказать об автобиографических книгах самого Гавела. Это, прежде всего, «Заочный допрос» (самиздат, 1986) — обширное интервью, в котором Гавел письменно отвечает на вопросы журналиста Г.К. Гвиждялы, а также книга «Пожалуйста, короче» (2006), где соединены его интервью тому же Гвиждяле, отрывки из дневника Гавела, его заметки, записки и т. п.

Изучению биографии Гавела помогает богатая кинодокументалистика (документальный фильм «Гражданин Гавел» и др.), книги о его семье (Милена Богатова «Ольга Гавлова», 2016), такие специальные работы, как книга религиозного писателя Мартина Ц. Путны «Вацлав Гавел. Духовный портрет в контексте чешской культуры 20-го века» (2012), многочисленные статьи о первом чешском президенте. Собираением, изучением и изданием гавеловских материалов и книг о нем скрупулёзно занимается научный институт в Праге «Библиотека Вацлава Гавела».

Но вернемся к названным выше биографическим книгам Кризевой и Жантовского, на которых остановимся подробнее. Эти книги написаны людьми, близко знавшими президента, имевшими возможность видеть его в разных обстоятельствах. Но если Кризеева в своей несколько «скороспелой» книге 1991 г., написанной, по ее словам, в состоянии «первой послереволюционной эйфории»², стремилась прежде всего ответить на вопрос: «Кто такой новый президент?», то Жантовский, работавший над своим трудом значительно позже, ставил перед собой задачу создать научную биографию Гавела, жизненный путь которого уже был завершен.

Кризеева так объясняет рождение замысла своей книги: «Я иду с президентом и говорю: „Мы совершили ошиб-

ку. У нас нет твоей биографии". Наш новый президент засмеялся и сказал: „так устройся где-нибудь поспокойнее и что-нибудь напиши". Так я и поступила»³. В редакционной аннотации 2014 г. сочинение Кризевой характеризуется как «Книга о положительном герое». Когда вышло ее первое издание (1991), многие критики упрекали автора в излишне восторженном отношении к президенту. В переиздании 2014 г. Кризеова признает, что по следам подчас очень резких нападок на книгу, она кое-что в ней убрала, а что-то добавила, но ведь Гавел действительно был «положительным героем»: «У нас был такой президент, что нам все завидовали»⁴. Кризеова описывает Гавела того времени, когда она с ним непосредственно работала, опирается на свои собственные наблюдения, передает свои чувства. Жантовский, который в то же время, что и она, находился рядом с президентом, свидетельствует, что Кризеова играла важную роль в жизни президента, хотя и вовсе не романтическую: она опекала его, заботилась о нем; в своей книге он не раз на нее ссылается как на источник, заслуживающий доверия.

В книге Кризевой помещена подборка фотографий, в том числе из семейного альбома Гавелов, и все они содержат в себе убедительную «информативность». Так, о личных связях Гавелов с высокой чешской культурой свидетельствует фотография 1942 г.: примерно пятилетний Вашек (Вацлав) и его младший брат кудрявый Иван сидят на коленях у самого известного чешского поэта XX в. Витезслава Незвала.

Объемная (свыше 550 страниц) книга М. Жантовского «Гавел» отличается стремлением к обстоятельности, скрупулёзной точности, объективности. Автор показывает Гавела и в его разносторонней политической, государственной, творческой, и в личной жизни. Единомышленник и соратник Гавела, он разделяет его позицию по всем принципиальным вопросам, но воздерживается от хвалебных оценок, от принижения его противников и оппонентов, хотя и называет их имена. На сегодняшний день книга Жантовского, наверное, действительно «лучшая биография» Гавела, к до-

стоинствам которой относится и ее аппарат: содержательные примечания, алфавитный и предметный указатели. Интересен подбор «информативных фотографий». К примеру, фотография 1998 г.: Гавел в Белом доме танцует с Хилари Клинтон.

В отдельных моментах и эпизодах мемуарные биографии Гавела друг друга дополняют, делая описание его жизни более объемным. Так, Кризеова рассказывает, что ни она, ни жена Гавела Ольга не хотели, чтобы он стал президентом, да и он сам долго колебался. Когда Кризеова, как и многие другие, сказала ему, что он должен выдвигаться, Гавел жалобно на нее посмотрел: «Ведь ты же была против того, чтобы я был президентом, а теперь вот что говоришь!» «Я и сейчас против, — отвечаю, — но оглядываюсь вокруг и не вижу никого другого». «Ольга тоже против, — сказал он, — говорит, что со мной разведется»⁵. Но по всему городу были развешены плакаты «Гавела на Град», народ хотел видеть своим руководителем именно его, отступить было невозможно.

Описание процедуры избрания Гавела президентом Чехословакии читаем у Жантовского: «Двадцать девятого декабря [1989 г. — С. III.] Александр Дубчек представил Федеральному собранию Гавела в качестве кандидата в президенты, и он сразу же был избран»⁶. При своей установке на точность Жантовский, не лишенный чувства юмора, находит в этом событии «две эстетические ошибки»: «излишнее старание» считавших голоса — ведь Гавел действительно был избран единогласно, вторая — костюм Гавела, специально для такого случая сшитый по мерке, одним показался «поношенным», другим — «слишком безупречным», «к тому же брюки были на несколько сантиметров короче, чем следовало, что придавало вновь избранному президенту слегка чаплиновский вид»⁷.

При всей близости Гавелу Жантовский старается дать ему объективную оценку, считая, что он не всегда мог справиться со встающими перед ним как президентом трудностями: «Было необходимо заложить основы новой полити-

чешской системы. Гавел не играл в этом процессе главную роль, которую он должен был бы играть как вождь революции. Он проиграл ряд сражений, в которые ввязывался»⁸. Но добавим, что и сделал он очень много.

Гавел стремился продолжить гуманистические традиции первого президента Чехословакии Т.Г. Масарика, как и он, придавал важное значение не только политической, экономической, но и культурной составляющей государства и общества, а понятие политики для него включало в себя и театр, способный воздействовать на людей.

Гавел любил Америку, что можно объяснить семейной традицией, ибо именно в США черпали вдохновение создатели Баррандова Вацлав Мария и Милош Гавелы. Однако как политика его гораздо больше интересовала Европа, сглаживание прежних конфликтов, установление добрых отношений с ФРГ и Австрией.

Что касается отношения к нашей стране, то опыт Чехословакии, жизненный опыт самого Гавела внушили ему опасения по поводу превосходящей русской силы, стремление заручиться какими-то гарантиями против нее. Отсюда его позиция по вопросу о Варшавском договоре, образованию ЕС и НАТО; он выступал здесь энтузиастом. Противостояния с Россией по этим и целому ряду других пунктов хорошо известны и описаны, в частности, нашими историками⁹. Но при всем том Гавел не был русофобом.

Жантовский свидетельствует, и это подтверждается дневниковыми записями Гавела, что он с недоверием, а позже с насмешкой относился к Б.Н. Ельцину, хотя и симпатизировал его рассуждениям о демократии. В В.В. Путине Гавел не переставал чувствовать бывшего чекиста, а вот к М.С. Горбачеву относился совершенно иначе. В «Пожалуйста, короче» он рассказывает о первой личной встрече с Горбачевым в Кремле: «Пришел Горбачев, его кто-то сопровождал, он приветливо улыбнулся и пригласил нас сесть. Очевидно, ему было интересно, как выглядит диссидент — он еще ни разу никого такого живьем не видел. А тут диссидент, никогда в партии не состоявший и

вдруг превратившийся в руководителя государства, одного из экономически и стратегически важных советских сателлитов. Наверное, я для него был экзотическим экземпляром. Долго продолжалось ощупывание друг друга. Всего, включая ужин, мы пробыли в Кремле около 9 часов [...]. Я осмелюсь сказать, что под конец мы поняли друг друга настолько, что стали добрыми друзьями¹⁰.

Но самой сильной прививкой против русофобии была для Гавела любовь к русской литературе, не только к Л. Толстому или А. Чехову, но и к некоторым современным писателям. В тюрьме он с удовольствием читал В. Распутина, о чем сообщает в «Письмах к Ольге», и, конечно же, он с большим уважением относился к А. Солженицыну, хотя и не читал его художественных произведений. Ведь солженицынское «Жизнь в правде» это то же самое, что и лозунг Гавела «Жить не по лжи».

Книги Жантовского, Кризевой и самого Гавела воспроизводят сложную реальную обстановку, в которой предпринимались первые шаги на новом пути Чехии, перед нами вырисовывается человеческий облик одного из главных действующих лиц этого процесса. Гавел свободно чувствовал себя и в высшем обществе, и среди простого народа, и на приеме у английской королевы, и среди рабочих пивоваренного завода, где в период диссидентства по своему собственному желанию девять месяцев был подсобником, катал бочки с пивом. Такой характер у него складывался с самого детства. Мать (Божена Гавлова) и гувернантка стремились привить мальчику хорошие манеры — он всегда был очень аккуратен и со всеми предельно вежлив. Но учиться он начал в самой обычной деревенской школе (во время войны Божена жила с детьми в семейном имении Гавлово). В «Заочном допросе» Гавел вспоминает, что стеснялся своего отличия от других детей (его привозили в школу на машине), хотел быть «как все». «Как все» он был на службе в армии, «все, что надо» он делал в театре, очень спокойно общался в тюрьмах с сокамерниками. Кризева рассказывает: «В бытность политическим заключенным, по отноше-

нию к другим узникам Вацлав исполнял роль священника, судьи, советчика, утешителя, психолога. Он писал для них любовные письма, советовал, надо ли разводиться или нет, разрешал споры, а кого-то отговаривал от намерения совершить самоубийство»¹¹.

Молодой Гавел к крайнему неудовольствию матери, которая даже не пришла на его свадьбу, женился на девушке из простой рабочей семьи из пролетарского района Жижков. Ольга, старше Вацлава на три года, не имела высшего образования, не владела иностранными языками, но была красива, умна, много читала, увлекалась театром, обладала независимым характером и острым языком. Даже свекровь Божена в конце жизни, будучи больной, не могла не оценить хорошее отношение к ней невестки. Гавел в «Заочном допросе» называет Ольгу «трезвым корректором»¹² его безрассудств. В молодости она старалась отвлечь мужа от богемной среды, а, с другой стороны, первой читала его сочинения, высказывала нелицеприятные замечания, к которым он прислушивался. В диссидентскую пору была его верной помощницей во всех делах, сама подготовила для самиздата журнал «О театре». Когда же Гавел стал президентом, эта «девушка с Жижкова» вполне справлялась с обязанностями «первой леди», впервые в стране организовала работу по благотворительности.

В жизни Гавела были серьезные отношения и с другими женщинами, но справедливости ради надо сказать, что со своей стороны и Ольга, когда Гавел находился в длительном заключении, завела молодого близкого друга, о чем на коротком свидании в тюрьме сообщила мужу, заверив его, что разводиться не собирается. Для него откровение Ольги явилось в тот момент очень болезненным ударом, и, тем не менее, он не кривил душой, когда в «Заочном допросе» признавался Гвиждяле: «Как это случается со многими смертными, мою жизнь сопровождали разные романтические отношения, и на небесах в моем счете, конечно, записан больше, чем один грех. Но ничто не могло поколебать, во всяком случае, до сих пор, прочную опору моей жизни. Эта опора — Ольга»¹³.

В тюрьме Гавелу было очень трудно из-за состояния его здоровья — при тяжелой физической нагрузке, при отсутствии надлежащего питания. Все это позже сказалось. Его даже несколько раньше выпустили, опасаясь, что этот, как его иногда называли — «самый известный диссидент Центральной Европы», «звезда театра оппозиции», умрет на нарах или в тюремной больнице. Но его тяжелое душевное состояние объяснялось не только нездоровьем, не только изменой Ольги. Ко всему прибавились переживания нравственного порядка.

После ареста в связи с «Хартией» Гавел оказался полностью изолированным от внешнего мира, и ведший дело опытный, весьма изощренный следователь сумел его убедить, что «Хартия» развалилась, все от нее отреклись и заверял, что если он тоже откажется от подписи под этим документом, то будет освобожден. Гавел согласился. Выйдя на свободу, он узнал, что был обманут, «Хартия» продолжала существовать. Он начал работать с удвоенной силой, восстановил свою подпись, но чувствовал себя предателем и очень страдал, хотя, судя по всему, никто из хартистов не упрекал его в измене. Переживания той поры он отчасти отразил в образе главного героя-диссидента в пьесе «Largo desolato» («Скорбное ларго»), исключительную автобиографичность которой он отрицал, настаивая, что она — «о человеке вообще». Друзья старались не напоминать ему обо всей этой печальной истории, но сам Гавел не мог ее себе простить, считал своим нравственным падением. В вопросах чести он был к себе очень строг.

Уверенным, целеустремленным Гавел был в революционные дни ноября 1989 г. Случилось так, что небольшая делегация нашего Института, и я в том числе, именно в те дни оказалась в Праге, приехав на заранее запланированную конференцию о современной литературе. Она проходила в здании Академии наук на Народни тршиде, по которой с громкими протестными лозунгами шла казавшаяся бесконечной студенческая демонстрация. Театры Праги объявили забастовку, вместо представлений там проходи-

ли собрания, был создан «Гражданский форум», который принял на себя руководство восстанием. На следующий день на Вацлавской площади собрался митинг, которым «рулил» Гавел, недавно выпущенный из очередного, к счастью, оказавшегося последним тюремного заключения. В организации митинга он показал себя истинным «человеком театра», был режиссером и исполнителем главной роли. Жантовский подробно описывает, как заполучили удобную для выступлений сцену — балкон издательства «Мелантрих», легко обозреваемый со всех углов огромной площади. По сценарию Гавела на митинге выступали не только ораторы, речи сопровождалась выступлениями популярных певцов и музыкантов.

В отличие от других цветных революций, пражская «бархатная» была действительно бескровной, это был своего рода «праздник непослушания», во время которого лишенное силовой поддержки руководство КПЧ сдавало одну позицию за другой безо всякого сопротивления. Так происходило в значительной степени потому, что советские войска, все еще находившиеся в Чехословакии, не принимали в событиях никакого участия. В стране достаточно быстро и, повторим, бескровно установилась новая власть, которую возглавил Вацлав Гавел.

Избрание Гавела президентом Чехословакии и после «бархатного развода» президентом Чехии на первый срок проходило успешно, как бы естественно, учитывая завоеванный им авторитет, любовь к нему народных масс. Но для него самого снова наступили сложные времена: в Чехии постепенно обострялись внутренние противоречия, разногласия по экономическим вопросам, драматическое напряжение нарастало даже в среде бывших соратников. Снова наступили для Гавела трудные времена. В «Пожалуйста, короче» Гавел пишет: «[...] после эпохи восхваления меня как национального героя, мученика, вождя революции, а потом — как президента-философа неизбежно наступило похмелье, и у журналистов возникла потребность обязательно меня в чем-нибудь упрекнуть, дабы самим не вы-

глядеть глупыми»¹⁴. Смену отношения к Гавелу публика связывала с актрисой Дагмар Вешкрновой, на которой он женился после смерти Ольги. Дагмар (Даша) Вешкрнова была талантливой и очень популярной актрисой театра и кино, ей особенно удавались характерные роли, например, Катарина из «Укрощения строптивой». Даша не была диссиденткой, судя по всему, она вообще не слишком интересовалась политикой. Ее связывала с Гавелом преданность театру, она заботилась о его здоровье, искала для него докторов — вплоть до каких-то народных целителей. В Праге тогда повторяли анекдот: «вопрос: кто быстрее смерти? Ответ: Даша». Имелся в виду случай, когда Даша раньше всех поняла серьезность состояния Гавела после очередного приступа и нашла доктора, который ему помог.

Гавела очень задевало несправедливое, по его мнению, отношение к его избраннице. 8.02.1998 г. он записывает: «Она отдает все силы исполнению новых обязанностей. Основала успешно действующий фонд, отвечает на сотни писем, успешно представляет в мире Чехию и при всем том не совершает серьезных ошибок (замечание на счет ошибок особенно трогательно!). А результат? Очень печальный. Одна из любимых народом актрис, браку которой с больным президентом сочувствовали, наверное, около восьмидесяти процентов наших граждан, превратилась в объект бесчисленных вульгарных шуточек, в излюбленную цель насмешливых комментариев, нападок и оскорблений со стороны большого числа журналистов»¹⁵.

Гавел серьезно раздумывал, стоит ли ему выдвигаться в президенты на второй срок, не будет ли это его величайшей ошибкой. Но на него давили друзья, уверявшие, что только он может противостоять другим, опасным для страны кандидатам, и он поддался уговорам, хотя позже говорил, что выдвижение принесло ему одни неприятности.

Во время выборов президента (в Чехии тогда президента избирал парламент) произошел эпизод, о котором говорила вся республика. Когда один из противников Гавела выступил против него с наветами и оскорблениями, присут-

ствовавшая среди публики Даша заглушила этого оратора очень громким свистом. Я приехала в Прагу вскоре после избрания Гавела и с кем бы не встречалась, разговор везде начинался с этого свиста «строптивной» Даши.

В первом туре Гавел не был избран, во втором прошел с преимуществом всего в один голос. Но он продолжал работать с прежним упорством, хотя со здоровьем у него было все так же плохо, а если вдруг случалось, что заболела Даша, он заботливо за ней ухаживал.

Гавел был по существу доволен отставкой, так как смог отдаться любимому делу — театру. В 2009 г. театр из города Градец Кралове показал в Москве в театре на Таганке его пьесу «Как уходят» в режиссуре друга Гавела с диссидентских времен Андрея Кроба. По моему мнению, это одна из лучших пьес Гавела, продолжающая линию таких его сочинений, соединяющих опыт театра абсурда и театра психологического, как «Трудно сосредоточиться» и «Largo desolato». Не столь успешным получился фильм по «Как уходят»: сказался недостаток опыта у Гавела как режиссера кино. Он очень торопился, словно чувствовал, что времени у него в запасе не остается.

Известие о неожиданной смерти Гавела на его даче Градечек, его поистине всенародные похороны, на которых присутствовало множество иностранных официальных лиц и просто людей, приехавших из-за рубежа проститься с ним, словно бы заставили всю Чехию если еще не в полной мере осознать, то ясно почувствовать весомость роли этой личности в истории Чехии и Европы в целом. Отсюда интерес к Гавелу-политику и человеку, интерес к его автобиографическим сочинениям, к публикации документов, к рассказывающей о нем мемуарной литературе. Необычный президент с необычной биографией, оригинальный мыслитель, к тому же умевший изобретательно и вкусно готовить, жаркий спорщик, совершавший много ошибок, но еще больше — добрых дел, Гавел заслужил, чтобы его помнили, может быть, чтобы с ним продолжали спорить, но чтобы его изучали и старались понять.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kriseová E. Václav Havel, Praha, 2014. S. 5.*
- 2 *Ibid. S. 289*
- 3 *Ibid. Суперобложка.*
- 4 *Ibid. S. 289.*
- 5 *Ibid. S. 281.*
- 6 *Žantovský M. Havel. Praha: Argo, 2015. S. 333.*
- 7 *Ibid. S. 334.*
- 8 *Ibid. S. 354.*
- 9 См. об этом: *Задорожнюк Э.Г. Драматургия президентства. Штрихи к политическому портрету Вацлава Гавела // Кентавр. 1995. № 5; Политический портрет президента-драматурга Вацлава Гавела // Политические лидеры и стратегии реформ в Восточной Европе: Сборник обзоров и рефератов. М., 2003; Вацлав Гавел: портрет в интерьере исторической эпохи // Славяноведение. 2012. № 5.*
- 10 *Havel. V. Prosím stručně. Praha, 2006. S. 103–104.*
- 11 *Kriseová E. Václav Havel. S. 206.*
- 12 *Havel V. Dálkový výslech. Praha, 2000. S. 174.*
- 13 *Ibid. S. 173.*
- 14 *Havel. V. Prosím stručně. S. 191.*
- 15 *Ibid. S. 195.*